

ТОЛСТОЙ И ЛИНКОЛЬН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЫМЫШЛЕННОГО ИНТЕРВЬЮ

Сообщение Е. М. Двойченко-Марковой

7 февраля 1909 г., когда праздновалось столетие со дня рождения Линкольна, американская газета «New York World» опубликовала интервью Толстого, будто бы данное им корреспонденту этой газеты, С. Штакельбергу. В этом интервью Толстому был приписан следующий рассказ:

«Во время моего путешествия на Кавказ мне случилось однажды быть гостем у предводителя черкесов, который, живя в горах вдали от цивилизации, имел отрывочное и детское представление об окружающем мире и его истории. Цивилизация никогда не касалась ни его, ни его племени, и жизнь вне его родных долин представлялась ему преисполненной загадочной тайны. Будучи мусульманином, он, естественно, был противником всяких прогрессивных идей и образования.

Я был принят с обычным восточным гостеприимством. После угощения, хозяин попросил меня сообщить что-нибудь о своей жизни. Уступая его просьбе, я стал рассказывать ему о своей профессии, о развитии нашей индустрии, об изобретениях, о школах. Он слушал меня невозмутимо, но когда я стал говорить о великих государственных мужах и полководцах, он сразу оживился. „Подожди немного, — прервал он мой рассказ, — я хочу, чтобы тебя послушали мои сыновья и соседи. Я их сейчас приведу“.

Он тотчас же вернулся в сопровождении дикого вида наездников и заставил меня продолжать. Это был воистину торжественный момент, когда дети пустынных гор уселись вокруг меня на полу и уставили на меня глаза с жадным любопытством. Я начал с наших царей и их побед. Затем перешел к чужеземным правителям и великим полководцам мира. Мой рассказ, казалось, произвел на них глубокое впечатление. Наполеон их так заинтересовал, что они заставили меня сообщить мельчайшие подробности, например, какие были у него руки, какого он был роста, кто изготовлял ему пушки и пистолеты и какой масти был его конь. Было очень трудно удовлетворить их любопытство и приспособиться к их точке зрения, но я старался изо всех сил. Когда я, наконец, объявил им, что рассказал все, что знал, хозяин сакли, высокий седобородый наездник, поднялся, простер руки и торжественно произнес:

„Но ты не сказал нам ни слова о самом великом на свете полководце и правителе. Мы хотим знать о нем. Он был герой. Его голос был подобен грому, его улыбка — солнечному лучу, а дела его были то тверды, как скала, то нежны, как лепестки роз. Ангелы явились его матери и предсказали, что сын, которого она родит, будет таким великим, какого еще не видели звезды. Он был так великодушен, что прощал своих злейших врагов и братски жал руку тем, кто покушался на его жизнь. Имя ему было Линкольн, а страна, в которой он жил, зовется Америкой. Она

ТОЛСТОЙ И НИКОЛАЙ II

Карикатура художника В. В. Карика (гушь)

Воспроизведена в английской газете «Manchester Guardian» от 5 сентября 1908 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

так далеко отсюда, что юноша, пустившийся в путь от нас, достигнет этой страны только к старости. Расскажи нам об этом человеке».

«Расскажи, расскажи, и мы подарим тебе лучшего коня», — закричали остальные.

Я смотрел на них: их лица сияли, глаза горели. Я видел, что этих суровых горцев действительно интересовал человек, чье имя и дела уже стали легендой. Я рассказал им о Линкольне, о его мудрости, жизни, юности. Они задавали вопросы, но на большую часть из них я не был в состоянии ответить. Они хотели знать мельчайшие подробности о привычках Линкольна, о его влиянии на людей, о его физической силе, но были неприятно поражены, узнав, что Линкольн плохо держался на коне и что он вел простой образ жизни.

«Расскажи нам, почему его убили?» — спросил один из них.

Я должен был рассказать все, что знал о гибели Линкольна. Я истощил весь запас своих знаний о нем, но зато я видел, что они остались довольны. Никогда не забуду, с каким энтузиазмом они меня благодарили и как горячо просили достать им портрет великого американского героя. Я сказал, что, быть может, найду портрет у моего друга в ближайшем городе. Это привело их в восторг.

На другое утро, когда я оставлял своего гостеприимного хозяина, мне привели превосходного арабского скакуна в дар за мою чудесную историю, и мы трогательно распрощались. Один из наездников взялся сопроводить меня в город, чтобы взять обещанный портрет, который я теперь должен был раздобыть во что бы то ни стало. Мне посчастливилось найти большую фотографию Линкольна у моего друга. Я вручил ее горцу с просьбой передать оставшимся вместе с моим приветом. С интересом заметил я, каким торжественным стало его лицо и как задрожали его руки, когда он принял мой подарок. Несколько мгновений он молча и благоговейно рассматривал портрет, и вдруг глаза его наполнились слезами. Он казался тронутым до глубины души. Я спросил его о причинах его внезапной грусти. После некоторого размышления он ответил: „Я грущу, потому что ему пришлось погибнуть от руки злодея. Разве ты не видишь, что на этой картине глаза его полны слез, а в губах таится скрытая печаль?“ Как все восточные люди, он говорил цветисто и, прощаясь, долго низко кланялся.

Этот маленький инцидент доказывает, как широко во всем мире распространилось поклонение Линкольтну и каким легендарным стало его имя».

Затем в «интервью» приводились соображения Толстого о том, почему именно слава Линкольна превзошла славу всех остальных национальных героев мира. При этом русский писатель будто бы сравнил Линкольна с Христом и Буддой и назвал его «святым всего человечества, чье имя будет жить тысячелетия в легендах будущих поколений».

Нет необходимости доказывать фантастичность этого рассказа, вложенного американским журналистом в уста Толстого, в биографии которого он был, по-видимому, вовсе не осведомлен. Достаточно напомнить о том, что после 1865 г.— года гибели Линкольна — Толстой ни разу не был на Кавказе.

Не замеченное в России, интервью это было принято за чистую монету в США и вошло как неоспоримый исторический факт в одну из самых распространенных биографий Линкольна, написанную К. Сэндбергом (Carl S a n d b u r g. Abraham Lincoln. The War Years. New York, 1939). А десятилетием позже было включено в другой труд о Линкольтне как составная часть главы, названной «Дань русским Линкольтну» (Albert A. W o l d m a n. Lincoln and the Russians. Cleveland and New York, 1952).

Легенде о Толстом и Линкольтне, конечно, не место среди серьезных исторических трудов. Она могла бы, пожалуй, войти в известный американский сборник мифов о Линкольтне (Lloyd L e w i s. The Myths after Lincoln. New York, 1941), да и то как миф, созданный не воображением народа, а предприимчивым журналистом (хотя и в расчете на определенную духовную потребность рядовых американцев услышать слово великого Толстого об их национальном герое).